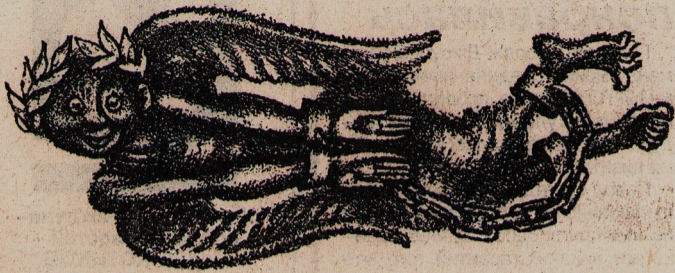

Он ненавидел как сильно, как можно только любить

Сегодня
исполняется
170 лет
со дня рождения
Михаила
Евграфовича
Салтыкова-
Щедрина

Когда правительство закрыло его журнал "Отечественные записки", Салтыков сказал: "Сидел я... в своем углу и пописывал. Думал, что на здоровье отечеству пописывал, а выходит, что на погибель..."

Он говорил об этом с гневом и недоумением. Не мог поверить, что написанное им может послужить погибели России.

Послужило. Возможно, именно потому, что Михаил Евграфович не умел "пописывать". Халтурить не мог. Все свои зрелые вещи, от очерков до романа, написал в полную силу отмеренного ему невероятного таланта.

Исключительность его таланта таилась в страшной способности видеть жизнь насквозь, видеть все тени, все пороки - настоящие и мнимые. Современник Салтыкова, физиолог Сеченов, знал, что говорил, когда поднимал тост за Михаила Евграфовича как за "величайшего диагноста".

Ленин высоко оценил Щедрина именно за это - за скальпель, за непримиримость, кипиющую в каждом слове. Словарь языка Салтыкова-Щедрина был подготовлен на рубеже тридцатых годов и стал пособием для публицистов уже сталинской школы. До сих пор любая радикальная публицистика в России кормится крохами, упавшими со стола Михаила Евграфовича.

Посмертная судьба Салтыкова-Щедрина оказалась в руках той серой чиновной элиты, которую он так люто ненавидел. Партийные идеологи назначили его Карабасом-Барабасом русской литературы, облепили его портретами все школьные классы и университетские коридоры. Ждановы и Сусловы довели детей до отвращения к одному только имени сатирика и предали забвению его трагическую судьбу.

Салтыков жил и писал с чувством сильнейшей обиды и сознанием необратимого оди-

ночества. Его трагедия началась еще в двухлетнем возрасте, когда за невинную шалость он по приказу матери был бит едва ли не розгами. Разлад с матерью, а потом и со старшим братом угнетал его всю жизнь.

Странно, что в доме Миша всегда считался любимчиком, ему позволялось больше других детей. Но временами "любимчик" так голодал в стенах родной усадьбы, что убежал к своей кормилице, и та потчевала его яичницей.

Домашнее воспитание строилось на принципах тупого накопительства и бережливости в той степени, когда оно граничит с помешательством. Салтыков с детства возненавидел все, что связано с помещичьим укладом жизни. Он так никогда и не смог поверить в реальность тех поэтических картин, которые описывал Тургенев. Гончаровского "Обломова" назвал "хламом". От идиллических описаний дворянских гнезд Салтыков впал в ярость. У него перед глазами стояли совсем другие сцены: запоротые мужики, искаженные страданием лица крестьянских девушек.

Салтыков не мог понять, как "новые русские", его современники, могут пить, объедаться, загорать на западных курортах, в то время, как девяносто процентов населения России прозябает в нищете.

Когда в 1875 году Салтыков по настоянию врачей отправился лечиться в Ниццу, отдых стал для него пыткой. Он писал на родину: "Скучновато, но климат хороший... И везде виллы, в коих сукины дети живут. Это беспредельное блаженство сукиных детей, их роскошь, экипажи, платья дам ужасно много портят крови..."

Он даже письма писал желчно, зло, остроумно, с каким-то только ему свойственным презрением. Антон Павлович Чехов после его смерти сказал: "Обличать умеет каждый газетчик... Но открыто прези-

рять умел один Салтыков".

Что не любил Михаил Евграфович, что ненавидел - о том легко догадаться по его сочинениям. А вот что он любил? О любви мы ничего не знаем...

В 27 лет, будучи в ссылке в Вятке, он влюбился в тринадцатилетнюю Лизу Болтину, через три года они обвенчались в Москве. Счастья в семье Салтыков не нашел, но всю жизнь любил свою Елизавету Аполлоновну, женщину, по воспоминаниям современников, вздорную, мелочную, мало ценившую мужа. Она была часто груба и бесщедра с ним.

Он трепетно любил сына и дочку. Когда родился первенец Костя, всем хвастался: "Очевидно, будет публицистом, ибо ревет самым наглым образом".

Салтыков был трудолюбивым, как всякий большой писатель, но педантизмом и самоотдачей он прославился сперва совсем на другом поприще. В 32 года был назначен рязанским вице-губернатором, через два года - тверским. Легенды о его требовательности, я думаю, до сих пор живы и в Твери, и в Рязани. За беспощадные расправы с бездельниками и лихоимцами Салтыкова прозвали вице-Робеспьером.

А еще Михаил Евграфович любил итальянскую оперу. Россини и Беллини были его кумирами. Но самой большой его страстью была русская литература, которой, как писал один его современник, он завещал свой гнев.

Гнев Салтыкова оказался чрезмерным. Так думается сейчас нам. Посмотрел бы он на то, что сегодня происходит в России! И тогда скорее всего он не был бы так строг к своему времени.

Откройте его книги на любой странице, и вы вздрогнете: так это близко, так это про нас. Помните злое предупреждение глуповского "президента" Угрюм-Бурчева: "Идет некто за мной, который будет ужаснее меня"?

Одна газета в некрологе на смерть Салтыкова-Щедрина писала: "Та форма политической сатиры, которую создал покойный... в угоду "духу времени" и ценой растраты своего... дарования, едва ли возникнет снова..."

Автор некролога был прав: никакая новейшая сатира не в силах взойти там, где прошел Михаил Евграфович. Припечатано навечно. Демагоги еще долго будут кормиться под щедринским столем и лупцевать своих оппонентов его бранью, но новых Щедринных из них не получится. Он ненавидел так сильно, как можно только любить.

Похоронить себя он завещал рядом с Тургеневым.

Дмитрий ШЕВАРОВ.

Рис. Ефима ЧЕШНЯКОВА, 1923 г.